

РУКОПИСИ, ОБЪЕДИНЯЮЩИЕ ВОСТОК И ЗАПАД: М.А. УСМАНОВ И ЗАДАЧИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Михаэль Кемпер

Амстердамский университет, Амстердам

Имя Миркасима Абдулахатовича Усманова (1934–2010) ассоциируется, прежде всего, с рядом ключевых работ, которые оказали и продолжают оказывать огромное влияние на татарскую историческую науку¹. В серии монографий М.А. Усманов словно совершил турне по наиболее важным этапам татарской истории. Свое научное путешествие он начал с анализа татарских письменных исторических источников XVII–XVIII вв. (1972 г.): эта работа, как и более ранняя статья 1969 г., исследует деятельность Шигабетдина Марджани как историка. Затем М.А. Усманов обратился к документам эпохи Золотой Орды (1979); следующей его остановкой стали свидетельства периода восстания Е. Пугачева (1988) [Усманов 1969, с. 144–154; Усманов 1972; Усманов 1979; Усманов 1988]². В более поздних своих книгах, большей частью написанных на татарском языке, он рассматривал татарскую историю с позиции специалиста по выявлению, собиранию и изучению рукописей и исторических документов [Госманов 1984, 1994; Госманов, 2004]. Примечательно, что для популяризации татарской истории М.А. Усманов иногда использовал в качестве формы повествования жанр исторической новеллы (рассказа) [Усманов, 1980]. В последние годы жизни М.А. Усманов был занят изучением творчества татарских мыслителей позднеимперского и раннесоветского периода. Результаты его исследований и анализа были опубликованы в известной серии книг «Шәхесләребез» («Наши выдающи-

---

¹ Авторизованный перевод статьи с английского на русский Д. Усмановой. Я благодарю Диляру Усманову за ценную дополнительную информацию и за важные замечания, сделанные в ходе работы над статьей, Гульназ Сибгатуллину за стилистическую корректуру перевода статьи.

² Более полный список публикаций М.А. Усманова за период вплоть до 2004 г. представлен в библиографическом указателе: [Миркасым Усманов, 2004].

еся личности»). Эта серия включает в себя более двадцати сборников, выполненных в соответствии с высокими академическими стандартами. Строгий академизм и исключительная глубина анализа – это те черты, которые характеризуют работы М.А. Усманова с самого начала его научной карьеры. Говоря словами одного нашего общего коллеги, М.А. Усманову была присуща «яростная объективность»: *«Да, он, как и многие люди того времени (периода перестройки и 1990-х гг. – М.К.), опровергал глупые советские догмы, но он никогда не шел в противоположную сторону, не примыкал к радикальным течениям тюрко-татарской националистической историографии. Он всегда оставался истинным ученым: любознательным, компетентным и усердным, и в высшей степени гуманистом – порядочным и вдумчивым»*¹.

Ряд программ, запущенных под руководством М.А. Усманова, оказали серьезное влияние на становление татарской науки. Первым проектом такого рода стало проведение регулярных археографических экспедиций по всей России с целью сбора среди татарского населения восточных рукописей и старопечатных изданий [Усманова, 2014, с. 465–481]. Эти экспедиции обеспечили Научную библиотеку им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета (НБЛ КГУ) рукописными материалами, которые существенно обогатили великолепное собрание восточной литературы университета. Другим не менее важным достижением в университетской карьере М.А. Усманова можно считать возрождение в КГУ востоковедения. Многолетние усилия ученого увенчались успехом лишь в 1989 г. с созданием Факультета татарской истории, литературы и восточных языков, в рамках которого было возобновлено преподавание востоковедения.

В своей статье я намерен, во-первых, рассмотреть, каким образом эти два устремления – возвращение рукописного наследия татар и восстановление востоковедения в Казани – были связаны друг с другом и с собственными научными интересами М.А. Усманова. Вторая часть статьи посвящена непосредственному исследованию обстоятельств, в которых происходило возрождение казанской школы востоковедения. Преследуя эту цель, я сначала даю обзор тех тенденций, которые присутствовали в советском востоковедении в послевоенный период. Учитывая тот факт, что в это время многие на Западе критиковали востоковедение как устаревшую «зонтичную» дисциплину с глубокими корнями в западном колониализме, попытаюсь ответить на вопрос, что руководило М.А. Усмановым в его попытках восстановления научной школы. Наконец, следует доказать, что концепция востоковедения М.А. Усманова и его персональные научные интересы в этой области неразделимо связаны с другой важной чертой его научного характе-

---

¹ Из личной переписки автора с Михаилом Ходарковским (20.02.2015).

ра: стремлением установить широкие международные контакты с учеными из различных научных сфер и дисциплин – не только в пределах Советского Союза, но и включая такие страны, как Турция, Венгрия, Германия и Соединенные Штаты. Выход татарских ученых из состояния советского изоляционизма реализовался в период перестройки в серии международных научных программ, в которых М.А. Усманов играл лидирующую роль.

Ориенталистика и восточные рукописи как инструмент татарской историографии советского периода

Хорошо известно, что в первой половине XIX столетия Казань была главным центром ориенталистики в Российской империи. Серьезным ударом по сильным научным традициям исследований в области истории, рукописного наследия, языкознания и литературы стало перемещение в 1854 г. целого восточного департамента Казанского университета в Санкт-Петербург [Schimmelpenninck van der Oye, 2010]¹. Некоторые ученые-востоковеды продолжили работать в университете (как, например, Иосиф Готвальд, 1813–1897), но практически все казанское востоковедение теперь было связано с деятельностью Духовной семинарии (академии). Изучение ислама стало инструментом, или побочным продуктом, полемических и миссионерских исследований, преследующих цель усилить православную веру среди крещенных татар. После революции 1917 г. этому миссионерскому востоковедению, естественно, был положен конец (хотя, как показал Владимир Бобровников, методы и стратегии работников Духовной семинарии были восприняты «миссионерствующими» учеными-большевиками [Bobrovnikov, 2011, p. 76–77]). Однако академическое востоковедение так и не вернулось в Казань. С 1940-х гг. союзные республики (Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан, Грузия, Армения и Украина) получили собственные Институты востоковедения, но Татарстан и другие автономные республики со значительным мусульманским населением в составе РСФСР (включая Дагестан) остались без академических центров, задачей которых были бы исключительно работа с восточными рукописями и проведение исследований в области востоковедения.

Безусловно, в тот период востоковедение получило определенное развитие в рамках других исследовательских институтов. Так в Дагестане, в Институте истории, этнографии и археологии Дагестанского филиала АН СССР, в 1963 г. была создана исследовательская группа для изучения огромного наследия дагестанской арабграфической (арабоязычной) литературы

---

¹ О досоветском периоде в истории казанского востоковедения подробнее: [Валеев, 1998].

[Кемпер, 2014, р. 390–404]; также в Казахстане ориенталистика продолжала существовать на базе исторического института. Однако в Татарской АССР все исследования (как в университете, так и в академических институтах) были сфокусированы лишь на изучении татарских исторических источников, тогда как обширное наследие арабской и персидской литературной традиции среди татар оставалось малоизученным.

Даже когда десталинизация допустила появление новой, отличной от жесткого антиисламского канона 1930–1940-х гг. интерпретации татарского культурного наследия, татарские историки не имели возможности обратиться непосредственно к местным материалам на арабском и персидском языках. В XIX в. арабский был не только главным языком теологии и работ по исламскому праву: некоторые выдающиеся исторические работы в дореволюционный период также были написаны на этом языке. Кроме того, он выступал в качестве главного языка коммуникации с другими частями мусульманского мира, включая Дагестан (где джадиды, даже в раннесоветский период, использовали арабский язык для прессы и большей части образовательной литературы [Наврузов, 2012]), и, естественно, Ближний Восток. Отсутствие преподавания арабского языка в Казанском университете в советское время имело два последствия, и оба, возможно, не были так уж нежелательны для советского режима: во-первых, такое положение дел практически естественно исключало распространение религиозной мусульманской литературы как части татарского литературного наследия среди молодого поколения; таким образом было сформировано представление, что татары были абсолютно секуляризированы еще до 1917 г. и что атеистическое образование имело большой успех. Во-вторых, отсутствие внимания к арабскому языку существенно ограничивало изучение исторических контактов татар Волго-Уральского региона с внешним исламским миром. Эти тенденции ограничивали татарскую историографию рамками небольшой территории, отведенной Советами для ТАССР.

Впервые приехав в Казань в 1992-ом г. с целью изучения местной исламской литературы XIX столетия, я нашел в НБЛ КГУ богатейшую коллекцию арабских рукописей и печатных изданий, с которыми никто не работал в течение многих десятилетий. Исследователи татарской истории и литературы были хорошо знакомы с татароязычными произведениями начала XIX столетия (правда анализ проводился часто с марксистских позиций). Однако, за исключением двух-трех молодых ученых, которые владели арабским языком (Нурия Гараева, Айдар Юзеев), и конечно, Анаса Бакиевича Халидова, работавшего в далеком Ленинграде, практически никто всерьез не занимался текстами, написанными татарами на арабском языке. Исламоведение, как научная область, где требуются знания арабского и персид-

ского языков, отсутствовало полностью. Сегодня мы знаем, что в то время было несколько татарских ученых старшего поколения, которые, благодаря образованию, полученному в медресе, могли работать с арабскими и персидскими рукописями. Одной из них была Зайнап Максудова, которая сохранила собственную коллекцию рукописей и изредка оказывала помощь другим ученым в работе с текстами [Бустанов, 2014]. Следует также назвать библиотекаря ОРПК НБЛ КГУ Альберта Фатхиева [Ахунов, 1999, с. 77–78; Госманов, 2007, с. 149–150; Фэтхи, 2007], оставившего нам небольшие описания не только татароязычных, но и арабоязычных рукописей из собрания университетской библиотеки [Фэтхи, 1962, 1968]. Однако и А.С. Фатхиев, и З. Максудова были библиофилами-энтузиастами, никто из них не имел ни амбиций, ни возможности опубликовать свои академические исследования или передать знания и навыки последующим поколениям.

На фоне этой довольно мрачной картины усилия М.А. Усманова заслуживают особого признания. Как историк-новатор, который отважился на работу в научных областях, которыми в Советском Татарстане пренебрегали по идеологическим причинам – исламская историография и история Золотой Орды – М.А. Усманов прекрасно осознавал необходимость расширения источниковой базы. Поэтому одним из его масштабных и длительных по времени проектов было собирание восточных рукописей в процессе регулярных экспедиций по татарским деревням не только в Татарстане, но и за его пределами. Эти экспедиции, во время которых М.А. Усманов также занимался подготовкой своих учеников (многие из которых сегодня являются видными учеными), имели решающее значение для восстановления, сохранения и комплексного изучения татарского культурного наследия. Традиция такого рода полевых исследований сохраняется и по сей день: аналогичные экспедиции (пусть и не в столь крупных масштабах, но с не меньшим энтузиазмом и усердием) проводит и продолжает совершать Марсель Ахметзянов из ИЯЛИ АН РТ [Әхмәтжанов, 2005; Әхмәтжанов, 2011]¹.

Растущие коллекции рукописей в ИЯЛИ и КГУ явились доказательством того, что арабский и персидский языки – ключевые элементы в изучении прошлого татарского народа. М.А. Усманов, который осознавал это с самого начала, приложил все усилия, чтобы возродить в Казанском университете отдел востоковедения с сильной школой преподавания восточных языков. Одна из последних работ М.А. Усманова, написанная в 2009/2010 гг., представляет со-

---

¹ Археографические экспедиции М. Ахметзянова позволили собрать большую коллекцию рукописей, которая в настоящее время находится в *Мирасханэ* на территории Казанского Кремля. Научные и научно-популярные работы Ахметзянова посвящены изучению татарской генеалогии (*шәжәрә*), литературы и эпиграфики (надгробных надписей). Примеры работ из области археографии: [Әхмәтжанов, 2012].

бой краткий обзор многократных попыток ученого осуществить задуманное [Usmanov, 2011, p. 169–202]. Эта работа поможет нам восстановить хронологию основных этапов возрождения востоковедения в КГУ в послевоенный период.¹

Первой серьезной попыткой в этом деле стало учреждение в КГУ в 1962 г. по инициативе ряда видных ученых (включая ректора КГУ М.Т. Нужина и историка Ш.Ф. Мухамедьярова) Общества археологии, истории и этнографии. Организованный в апреле 1962 г. первый съезд Общества собрал ученых не только из Татарии, но также и из других регионов РСФСР; среди присутствовавших был даже Лев Гумилев, пользовавшийся тогда неоднозначной репутацией. Несмотря на то, что съезд имел определенный успех в академической среде, некоторые партийные деятели не одобрили последующую публикацию *Трудов* Общества (1963). В итоге весь тираж *Трудов* был изъят и уничтожен [Usmanov, 2011, p. 177].

М.А. Усманов начал свое обучение в Казанском университете в 1958 г.; на учредительном конгрессе (1962) Общества археологии, истории и этнографии он присутствовал в качестве студента. В следующем 1963 г., он, поддерживаемый заведующим кафедрой истории СССР Шамилем Мухамедьяровым и заведующим кафедрой татарской литературы Хатипом Госманом (Х.У. Усманов), приступил к организации археографических экспедиций по татарским селам [Usmanov, 2011, p. 176–178; Госманов, 2014]. В то время М.А. Усманов уже работал над историческими хрониками, написанными на татарском языке. Для этого был важен доступ к различным копиям рукописей народной и частично религиозно-ориентированной исторической литературы. Другими словами, с самого начала своей научной карьеры М.А. Усманов в качестве вектора своих научных исследований выбрал поиск, сохранение и тщательное аналитическое изучение рукописей; он понимал, что возрождение традиционного востоковедения является необходимым условием для этого.

В первой половине 1970-х гг. ректор КГУ М.Т. Нужин предпринял другую попытку вдохнуть жизнь в казанскую ориенталистику: но в этот раз не посредством какой-либо «зонтичной» организации, а через создание специальной общеуниверситетской кафедры. М.А. Усманов принял непосредственное участие в данной инициативе и был привлечен к делу налаживания зарубежных связей, в частности с одним арабским университетом в Ливане. Однако этот проект не был осуществлен – как пишет сам Усманов, вследствие начала в Ливане гражданской войны (1975) [Usmanov, 2011, p. 178–179].

---

¹ Эта публикация увидела свет также на русском и турецком языках [Усманов, 2010 б, №№ 2–3; Usmanov, 2013].

Полоса безуспешных начинаний закончилась лишь в 1988 г., когда в КГУ была основана Научно-исследовательская Археографическая лаборатория под непосредственным руководством М.А. Усманова. Лаборатория должна была собирать, изучать и описывать дореволюционные рукописи, облегчая тем самым работу последующим исследователям. Таким образом, возрождение востоковедения теперь было непосредственно связано с тем фондом рукописей, который усилиями М.А. Усманова вырос в полноценный Отдел рукописей и редких книг НБЛ КГУ [Usmanov, 2011, p. 180–181]. Вскоре, в 1989 г., в университете было принято решение об открытии Факультета татарской филологии, истории и восточных языков (Татфак). В рамках факультета, наряду с кафедрами татарского языка, литературы и истории (последней заведовал М.А. Усманов), действовало подразделение восточных языков. Другими словами, востоковедение в университете начало развиваться именно так, как было задумано М.А. Усмановым: сначала в виде вспомогательной дисциплины для исследований, посвященных истории татар. Дальнейшее расширение областей знания было связано с преподавателями китайского языка, которые приехали в университет по приглашению в 1990 г. К сожалению, кризис времен Перестройки привел к сокращению штата Археографической лаборатории КГУ¹. Однако, когда финансовая ситуация относительно стабилизировалась, руководство университета в июне 1997 г. решило учредить полноценный Институт востоковедения (частично на основе Татфака). М.А. Усманов вновь стал движущей силой этого процесса [Usmanov, 2011, p. 180–182].

Что мы видим на этом примере? Возвращение академического востоковедения в Казань, прежде всего, было призвано обеспечить татарских историков языковой и методологической базой; поэтому в соответствии с этой стратегией, изучение восточных языков началось в рамках работы над рукописями. Следующим шагом стало включение этих дисциплин в институциональную структуру Татфака. В силу ограниченных возможностей, востоковедение не могло быть реализовано в качестве отдельной, полноценной дисциплины, поэтому на первых порах оно выступало в качестве вспомогательного звена татарской историографии и исследований татарской литературы. На втором этапе произошло включение в востоковедение преподавания тех восточных языков, которые уже в меньшей степени были связаны с татарской историографией. Так, выбор китайского языка не был мотивирован необходимостью прочтения китайских источников (например, при изучении истории монгольских завоеваний) – за такого рода узкоспециальными навыками лучше было ехать в Ленинград. Мы можем допустить, что

---

¹ См. также статью Д.А. Мустафиной в этом сборнике – прим. сост.

в некоторой степени выбор китайского языка был мотивирован осознанием стремительного роста китайской экономики и тем, что Татарстан, традиционно выполнявший роль моста в Восточной Европе, мог бы помочь России наладить культурные, дипломатические, а также экономические контакты с Китаем. Также определенную роль в этом выборе мог сыграть тот факт, что сам М.А. Усманов родился в Китае (точнее в г. Кульджа, в Восточном Туркестане), откуда его семья переселилась в Советский Казахстан лишь в 1955 г. Преподавание турецкого и арабского языков, естественно, могло быть в равной мере полезным для укрепления связей Татарстана с Ближним Востоком. Другими словами, казанское востоковедение переживало процесс трансформации: от вспомогательного рабочего инструментария для историков до важной составляющей других дисциплин, что имело большое значение для татарского общества в целом. На горизонте вырисовывались бесчисленные возможности международного сотрудничества (Татарстан в 1990-х гг. уже активно проводил относительно независимую от Москвы зарубежную экономическую политику). Востоковедение, при разумном управлении и продвижении, потенциально было способно окупить вложенные инвестиции за довольно короткий срок.

Востоковедение в советском контексте: эмансипация или колонизация?

Все это являлось довольно практичной мотивацией: если говорить упрощенно, восточные языки могли служить и историкам, и бизнесменам, что также поспособствовало бы преодолению советской изоляции. Но не являлось ли востоковедение (в его классической, продвигаемой М.А. Усмановым форме как всеохватывающая «зонтичная» дисциплина для изучения языков, культуры, литературы и обществ огромного региона от Марокко до Китая) уже тогда устаревшей концепцией? Не было ли востоковедение колониальной дисциплиной, созданной и поддерживаемой западными странами (в их числе и Россией) с целью изучения своих восточных колоний для более эффективного управления и контроля над ними? Не противоречило ли это страсти всей жизни М.А. Усманова: изучать историю татарского народа, освободить татарскую историческую науку от догм и ошибочных представлений, господствовавших в российской и советской историографиях?

В то время, когда М.А. Усманов активно продвигал идею развития в КГУ востоковедения, ученые на Западе полемизировали о сущности этой науки. Наибольший вклад в критику «ориентализма» внес египетский социолог Анвар Абдель-Малик (1963), который, как и многие другие ученые, критиковал востоковедение за его службу идеям западной гегемонии

и колониализма¹. К тому же, на фоне растущей специализации различных суб-дисциплин, «ориенталистика» уже была слишком широким и поэтому бессмысленным понятием. Как следствие, на 29-м Международном конгрессе ориенталистов в Париже в 1973 г. делегаты проголосовали за отказ от отжившего названия. Последующие конгрессы востоковедов должны были проходить как «Международный конгресс гуманитарных наук Азии и Северной Африки» («*Congrès International des Sciences Humaines en Asie et Afrique du Nord*»²). После публикации наиболее влиятельной работы Эдварда Саида «Ориентализм» (1978), востоковедение стало объектом жесточайшей критики; с того времени не только академическое сообщество, но также значительная часть широкой общественности Запада стали относиться к востоковедным наукам как к оплоту «ориентализма», продукту глубоко укоренившегося колониального сознания (или, словами Э. Саида, «формации»), пронизывающего насквозь все тексты западных авторов о Востоке. Впоследствии было предпринято множество попыток – с разной степенью успеха – интегрировать историографию, посвященную Востоку, в контекст глобальной истории; цель была очевидна – перестать видеть Восток как нечто экзотичное, «другое».

В Советском Союзе, наоборот, востоковедение сохранило свой статус и оставалось значимой дисциплиной до конца советского периода и частично вплоть до наших дней. Данное отношение было основано на представлении, что советские востоковеды продолжают только «прогрессивные» традиции дореволюционной российской ориенталистики; советский вариант дисциплины, вобравший в себя социалистические идеи, был осознанно «очищен» от тех негативных подходов в ориенталистском наследии, которые якобы доминируют на Западе. Такое представление о советском востоковедении как освободившейся от политического влияния дисциплине, конечно же, неверно – не будет преувеличением сказать, что в гораздо большей степени, нежели на Западе, востоковедение в СССР (даже в классической области текстуальных исследований) работало по государственному заказу и в жестких рамках идеологических установок: так, например, публикация восточных текстов в различных регионах Средней Азии была организована и профинансирована советским государством для того, чтобы обеспечить национальную историографию отдельных советских республик с «ислам-

---

¹ Обзор западной критики ориентализма, а также репринты наиболее важных публикаций подобного рода, включая работу Абдель-Малика «Ориентализм в кризисе», см. [Orientalism, 2000].

² В 1985 г. конгресс вновь сменил свое название, в этот раз на «Международный конгресс исследователей Азии и Северной Африки» («*International Congress of Asian and North African Studies*»).

ским наследием» материальной базой для конструкции четко различимой самобытности каждой из советских национальных государственных образований в Центральной Азии и на Кавказе¹. В Советском Татарстане наука также предполагала очень избирательное прочтение документов о прошлом татарского народа: современная историография должна была полностью поддерживать идею о секулярном характере татарской мысли [Bustanov and Kemper, 2012, p. 29–54]. В дополнение к этим внутренним задачам советской ориенталистики, востоковедные центры в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Баку, Тбилиси и Душанбе часто привлекались к процессу сбора информации о текущем положении дел на Востоке, то есть удовлетворяли запросы советских политиков и службы внешней разведки (хотя члены партии, правительство и разведки редко читали научные труды, что, как известно, проявилось в решении ЦК послать советские войска в Афганистан). Наконец, преподавание языков как часть подготовки востоковедов позволяло выпускать тысячи переводчиков и специалистов, которые впоследствии работали на дипломатической службе, в различных партийных или административных структурах. Другими словами, советское востоковедение было новым по форме (поскольку оно сознательно критиковало буржуазные традиции «колониальной ориенталистики»), но в действительности продолжало оставаться государственно-ориентированной дисциплиной, т.е. служащей интересам государства, его целям как во внутренней, так и во внешней политике [Kemper, 2010, p. 435–476].

М.А. Усманов полностью осознавал эту зависимость востоковедения от советской внешней политики и КГБ. Несмотря на то, что он был активным членом коммунистической партии, есть все основания полагать, что ученый пытался оставаться в стороне от политизированной ориенталистики, центром которой тогда был московский Институт востоковедения Академии наук СССР (ИВ АН СССР). Поэтому М.А. Усманов поддерживал более тесные связи с Ленинградским отделением ИВ, где, помимо прочего, продолжалась работа над рукописными текстами. И он наверняка отдавал себе отчет в том, что даже работа со старыми манускриптами, особенно когда дело доходило до их включения в национальную историографию, не может быть абсолютной нейтральной, свободной от политического влияния. Однако это не являлось для него серьезным препятствием, так как его собственный грандиозный проект по реабилитации национальной историографии по своей природе был весьма политизированным. Кроме этого М.А. Усманов развивал тесные связи и с другими советскими востоковедами, которые использовали архивные исследования для выражения соб-

---

¹ Об этих проектах начиная с 1930-х гг. [Bustanov, 2015].

ственной национальной (нерусской) идентичности в СССР. Другими словами, вопрос заключался в том, как развить тот научный потенциал, который необходим для такого рода больших проектов, и, что немаловажно, суметь сохранить контроль над ним. М.А. Усманову это удавалось, например, благодаря тому, что преподавание восточных языков осуществлялось на базе «его» Татфака. На руку ученому был и немного провинциальный статус КГУ, который М.А. Усманов, как ни парадоксально, старался изменить: шансы, что выпускники его программ могли бы сделать карьеру в КГБ или на внешнеполитической службе были довольно низкими. Другими словами, невысокий по сравнению со столичными вузами статус КГУ помог превратить местное востоковедение в область, служащую интересам не центральных властей, а татарских историков. Востоковедение, которое развивал М.А. Усманов, должно было стать не столько инструментом государственной политики, сколько ключом от дверей в прошлое татарского народа. В целом это была попытка передать востоковедение в руки нерусских народов: тех, кто мог бы скорректировать изъяны и заполнить лакуны, созданные ориенталистами из центра.

Оттепель в советском востоковедении: объединяя Восток и Запад

Во многих отношениях М.А. Усманов был «шестидесятником» – интеллектуалом, мировоззрение и навыки которого сформировались в конце 1950 – начале 1960-х гг., когда Н.С. Хрущев критиковал сталинизм и побуждал советское общество осуществлять новые проекты. В это время во всех областях советской науки поощрялось развитие международных контактов и пересмотр старых догм.

Первая серьезная попытка преодолеть сталинский изоляционизм в советском востоковедении была предпринята в 1960 г., когда в Москве был организован 25-й Международный конгресс востоковедов¹. Советские ученые уже принимали участие в предыдущих съездах Конгресса – в 1954 г. в Кембридже и в 1957 г. в Мюнхене, где они произвели необычайно благоприятное впечатление на зарубежных коллег своей приверженностью к классическому, якобы не политизированному востоковедению. 25-й Конгресс, работавший в Москве под председательством директора ИВ АН СССР Бободжана Гафуровича Гафурова (1908–1977), был призван продемонстрировать достижения советской ориенталистики после ее очередной реорганизации: на 20-ом съезде КПСС в 1956-ом г. А.И. Микоян подверг

---

¹ Для анализа Конгресса как важного политического и научного события: [Кетнер, 2015].

востоковедение времен Сталина жесткой критике, поэтому сразу после съезда Б.Г. Гафуров, тогда еще секретарь компартии Таджикистана, был назначен директором ИВ АН СССР и получил задание переориентировать советскую ориенталистику на политические темы современного Востока.

Ключевой целью Международного конгресса востоковедов в Москве в 1960 г. было продемонстрировать странам «третьего мира», что советское руководство во главе с Н.С. Хрущевым и советское востоковедение полностью поддерживают стремление этих стран к «деколонизации Востока», что советские востоковеды отличаются от своих западных коллег, придерживающихся «колониальной ориенталистики». В определенном конфликте с этой целью была другая, не менее важная задача Конгресса: показать Западу, что новая ориентация советского востоковедения не делает его менее профессиональным, стоящим по уровню ниже, чем европейская ориенталистика, особенно в классических областях этой науки. Наконец, Конгресс должен был продемонстрировать, что «коренные ориенталисты», т.е. советские ученые из республик Средней Азии и Кавказа, полностью интегрированы в советское востоковедение посредством общего проекта по созданию Советской «политико-классической» ориенталистики. Поэтому в программу Конгресса были включены доклады не только среднеазиатских и кавказских ученых, но также представителей научных кругов Татарстана. Например, вышеупомянутый учитель М.А. Усманова – Хатип Госман (Х.У. Усманов) выступил с докладом о татарской поэзии [Усманов Х.У., 1963, с. 353–358].

Бободжан Гафуров призывал к полной переориентации советского востоковедения на изучение современного Востока. Его целью было превратить ИВ АН СССР в центральную организацию сети аналогичных институтов, располагающихся в разных республиках; каждый из этих республиканских институтов должен был специализироваться на определенной географической области. Очевидно, что такой подход ограничивал бы анализ собственно советского мусульманского наследия, приостановив текстуальные и археологические работы непосредственно в самих регионах, и в целом оказал бы негативное влияние на процесс изучения Средней Азии и Кавказа. В то же время Б.Г. Гафуров полностью понимал ценность вклада советского востоковедения в изучение этого «собственного Востока», особенно в деле разработки республиканских историографий. В конечном итоге оба тренда в востоковедных исследованиях сосуществовали, и большинство ученых (в том числе самых видных и уважаемых) вопреки новой политической риторике республиканских институтов востоковедения продолжало работать в области классических исследований, изучая местные материалы. Однако, делая упор на важности востоковедения для внешней политики страны, директор ИВ АН стремился в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в целом к повы-

шению статуса советского востоковедения и, соответственно, привлечению государственных дотаций.

Международный конгресс востоковедов в 1960 г. стал поводом для критического пересмотра концепций востоковедения [Кемпер, 2015]. В 1958 г. в ходе подготовки к Конгрессу несколько ведущих российских ученых приняли участие в работе оргкомитета, где рассматривались такие вопросы, как: что значит понятие «советское востоковедение»; каким образом следует презентовать советскую науку о Востоке зарубежным гостям; какой стратегии следует придерживаться в развитии востоковедения. Хотя большинство участников дискуссии старалось избегать темы устаревшей структуры востоковедения, иранист Борис Николаевич Заходер (1898–1960) осмелился указать на слабые стороны советского востоковедения того периода. Обращая внимание на недостаточно развитые связи с западным научным сообществом, Б.Н. Заходер рассматривал Конгресс как возможность для советской науки определить пути выхода из этой изоляции. Сложившуюся ситуацию ученый связывал с критикой традиционного образа ориенталистики: не только на Западе, но и в глобальных масштабах:

«Организации института востоковедения [в Москве в 1950 г.] предшествовали дискуссии, в которых многие из присутствующих принимали участие. В будущем будет создаваться всеобщая история, всеобщая история литературы, [и] востоковедения как такого не будет. Нужно предвидеть [такое] развитие науки»¹.

Отвечая на вопрос Сергея Толстого, прежнего директора ИВ АН СССР, стоит ли рассматривать это утверждение как призыв к ликвидации востоковедения, Б.Н. Заходер заметил:

«Ликвидировать востоковедение [было бы] неплохо, но это пока несвоевременно. Востоковедения [уже] нет в наших республиках – есть [лишь] развитие истории отдельных республик; это – будущее науки, нужно видеть развитие».

Без сомнения, это было сильным заявлением: конец колониальной системы должен неизбежно привести к краху востоковедения как устаревшей дисциплины. Причина была не столько в том, что эта наука была призвана удовлетворять нужды колониализма, сколько в том, что изучение Востока в отрыве от глобальных процессов не будет иметь больше смысла. Позиция Б.Н. Заходера затронула многие из тех аспектов, которые станут предметом обсуждения последующих международных конгрессов востоковедов. Ряд тезисов ученого перекликается с аргументацией Эдварда Саида

---

¹ Здесь Б. Заходер отсылает к статье (название не дано), в которой он, якобы в соавторстве с китаистом Н.И. Конрадом, объяснял данный подход.

в его известной книге «Ориентализм» (1978). Напомним, что уже в начале XX столетия некоторые выдающиеся российские ориенталисты (в том числе этнические немцы) критически относились к традиционному определению востоковедения [Tolz, 2008, 2011]. Такого рода критика ориентализма присутствовала и в советский период, как показывает вышеуказанная дискуссия 1958 г. и пример Б.Н. Заходера. «Отец советской японологии», Николай Иосифович Конрад (1891–1970), был также известен как ярый критик онтологического разделения Востока и Запада [Batunsky, 1982, p. 380; Croskey, 1991, p. 116–133].

Однако, как показывают протоколы встреч оргкомитета в 1958 г., директор ИВ АН Б.Г. Гафуров не разделял идей Б. Заходера. В конечном итоге программа Конгресса 1960 г. была составлена соответственно традиционной форме; для Б.Г. Гафурова востоковедение в классическом варианте, пусть и с новой политической программой, являлось превосходным инструментом для достижения его собственных целей, от которого он не намерен был отказываться. Как показал Артемий М. Калиновский [2013], Б.Г. Гафуров умело использовал существующие различия между Востоком и Западом, постколониальный статус своей «отсталой» Средней Азии в качестве аргумента, способного убедить Москву поддержать его грандиозные инфраструктурные проекты в Таджикистане. Поэтому не удивительно, что даже в 1973 г., на том Парижском Конгрессе востоковедов, где было решено сменить название научной платформы и избавиться от термина «ориенталист», Б. Гафуров выступил за сохранение старого названия, которое, в его представлении, сослужило науке лишь добрую службу [Lewis, 1982, p. 4–5].

Этот эпизод показывает, что, несмотря на усиливающуюся политизацию советского востоковедения и его очевидную зависимость от Кремля, некоторые ученые осмеливались выступать за полную реконцептуализацию и даже упразднение дисциплины – как единственную возможность полностью освободить ориенталистику от присущей ей колониальной традиции.

Я упомянул здесь эти дебаты, поскольку 25-й Международный конгресс востоковедов в Москве (1960) проходил непосредственно перед вышеупомянутой попыткой возрождения в Казани Общества истории, археологии и этнографии. Маловероятно, чтобы молодой Миркасым Усманов имел прямой контакт с Б.Н. Заходером (который, к сожалению, скончался в 1960 г., за несколько месяцев до начала работы Конгресса); однако мы можем с уверенностью предположить, что реформа конца 1950-х – начала 1960-х гг., важнейшим компонентом которой являлась интернационализация науки, стала импульсом, повлиявшим на ход мыслей М.А. Усманова и программу его действий в Казани. Как бы это парадоксально ни звучало, если Б.Н. Заходер аргументировал необходимость упразднения востокове-

дения через его интеграцию в мировую историю и мировую литературу (а одновременно и в «республиканские» историографии – «Востоковедения [уже] нет в наших республиках – есть [лишь] развитие истории отдельных республик»), Миркасым Усманов отстаивал ту же точку зрения, но с противоположной позиции: основание в Казани школы востоковедения необходимо для того, чтобы углубить исследования по истории татар. Для обоих ученых национальная историография была естественным результатом этого процесса в глобальном контексте.

Преодоление изоляции

М.А. Усманов получил начальное образование в татарской школе в Кульдже (Восточный Туркестан), в городе, где значительную часть населения составляют татары; затем он перешел в местную русскую гимназию. Усманов гордился своим образованием и тем, что владел татарским языком в совершенстве. Арабская графика, которой уйгуры Синцзяня пользуются до сих пор, была ему хорошо знакома с детства; впоследствии он пользовался ею даже в личной переписке с некоторыми западными коллегами (например, с немецким тюркологом Михаэлем Фридрихом, который изучал в Казани работы Габдуллы Тукая и восприятие образа поэта¹). Сам М.А. Усманов считал, что близкое знакомство с татарской культурой в Кульдже дало ему решающее преимущество перед другими татарами его поколения, которые родились и получили образование в ТАССР: этот опыт определил его отличную от общепринятой точку зрения по многим вопросам.

При этом М.А. Усманов также получил качественное советское образование. Через три года после его переезда из Кульджи в Казахстан, он поехал в 1958 г. в Казань, где воспользовался всеми преимуществами советской системы высшего образования: социальная мобильность хрущевской эпохи, сохранявшаяся даже в наиболее застойные годы брежневского правления, сформировала Усманова таким, каким его знали близкие и коллеги.

Конференции, проводимые по всей территории Советского Союза, позволяли ученым из различных регионов поддерживать прочные связи друг с другом. М.А. Усманов установил контакты с востоковедами из большинства советских республик: среди них были Анас Бакиевич Халидов (1929–2001) из Ленинграда, Зия Мусавич Буниятов (1923–1997) из Баку, Амри Рзаевич Шихсаидов (род. 1928) из Махачкалы и другие выдающиеся личности советской востоковедческой науки. Все они работали с местными восточными рукописями, которые доказывали, что до революции 1917 г. национальные интеллектуальные элиты (татар, азербайджанцев, лезгин / дагестанцев) дей-

---

¹ Личная переписка 1996 г.

ствовали в широком, выходявшем далеко за пределы России контексте персидской, тюркской и / или арабской литературной и культурной традиций. М.А. Усманов встречался с этими учеными на различных мероприятиях, в частности на известных «Бартольдовских чтениях» – основным направлением этой научной платформы были исследования, посвященные восточной текстологии и источниковедению¹. Все вышеназванные ориенталисты были ученые нерусского происхождения, и все они полностью идентифицировали себя с «западной» (т.е. невосточной) по происхождению традицией востоковедения: А.Б. Халидов символизировал важную роль татар в фундаментальных исследованиях в востоковедении / арабистике; З.М. Буниятов выступал образцом успешного использования ориенталистики для формирования «правильной» (с его точки зрения) национальной историографии в Азербайджане²; а А.Р. Шихсаидов и в настоящее время является ключевой фигурой (даже можно сказать, движущей силой) в деле возрождения дагестанской арабоязычной литературы и исторической традиции: эти традиции в Дагестане считаются общим наследием для всех населяющих регион национальностей, что, в свою очередь, может послужить основой для установления мира и согласия в этой многострадальной республике [Shikhsaidov, 2011, p. 203–216].

Гораздо сложнее было развивать связи с зарубежными коллегами: М.А. Усманов смог добиться успеха в этом только в конце 1980-х гг. Как отмечал сам ученый в своем очерке о восстановлении казанского востоковедения, в 1988 г. он был приглашен на 10-й Конгресс Турецкого исторического общества, но не смог принять в нем участие, поскольку не получил от Министерства образования разрешения на выезд [Usmanov, 1991, p. 903–909]³. В работе следующего съезда (1990) он смог присутствовать лишь благодаря поддержке З.М. Буниятова. Контакты М.А. Усманова с Турцией позволили ему, в свою очередь, наладить отношения с Центром исследований истории, искусства и культуры исламского мира (ИРСИКА). В партнерстве с турецким центром, КГУ и Академия Наук Татарстана впоследствии осуществили целую серию важных симпозиумов и крупных научных проектов, одним

---

¹ Согласно библиографии М.А. Усманова [Миркасым Усманов, 2004], он принял участие в работе БЧ в 1982, 1984, 1987 и 1990-х гг., в сборниках которых помещены его доклады.

² О взаимоотношениях М.А. Усманова с З.М. Буниятовым: [Усманов, 2002, с. 545–555].

³ Вероятно, первой международной публикацией М.А. Усманова стали тезисы доклада, которые были подготовлены им к другому турецкому конгрессу в 1986 г. [Usmanov, 1986, p. 74–75].

из организаторов которых был М.А. Усманов¹. В 1990–2000-х гг. несколько молодых ученых из Турции приехали в Казань для того, чтобы под руководством М.А. Усманова проводить исследования по татарской истории и работать с документами, хранящимися в университетской библиотеке. Более того, М.А. Усманову удалось установить отношения с Ираном. Совершив официальный визит в составе делегации под руководством президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева в Тегеран, ученый привез на родину копию средневековой рукописи (список XVII в.) неизвестного ранее трактата XIV в. по фармакологии, автором которого был выходец из Поволжья. Эта работа позднее была подготовлена к печати А.Б. Халидовым и опубликована с предисловием М.А. Усманова [Таджеддин аль-Булгари, 1997].

Не менее важными для М.А. Усманова были контакты с Германией. Здесь будет уместным напомнить, что уже с начала 1800-х гг. немецкие ориенталисты играли важную роль в становлении востоковедения в Казанском университете. М.А. Усманов посвятил работе немецких ученых в Казани несколько статей [Усманов, 1994, с. 177–203; Усманов, 1999, с. 21–39]. В 1991 г. он установил партнерские отношения с Гиссенским университетом, в частности с профессорами Клаусом Хеллером, специалистом по социально-экономической истории России, и Хансгердом Гекеньяном (1938–2005), известным ученым, проводившим исследования по истории кочевых народов Центральной Азии. Это сотрудничество принесло плоды в виде организации регулярных студенческих обменов между Гиссенским и Казанским университетами, которые продолжают и сегодня. Через своего ученика Искандера Аязовича Гилязова М.А. Усманов также установил контакты с университетом г. Кельн, где историю малых народов Волго-Уральского региона в имперский период преподавал профессор Андреас Каппелер. По приглашению известного тюрколога и специалиста по Центральной Азии, профессора Ингеборг Бальдауф, основавшей в Гумбольдтском университете Центр среднеазиатских исследований, М.А. Усманов неоднократно бывал в Бамберге и Берлине. Он также поддерживал многолетнюю дружбу и сотрудничество с профессором Барбарой Кельнер-Хайнкеле, которая возглавляла Институт тюркологии в Свободном университете в Берлине. Будучи специалистом по истории крымских татар, Б. Кельнер-Хайнкеле поддерживала преподавание татарского языка в университете, а также работу над немецкоязычным учебником татарского языка, подготовленным в рамках сотрудничества Маргарет Эрсен-Раш с Флерой Сафиуллиной из КГУ. В середине 1990-х гг. М.А. Усманов принимал активное участие в реализации

---

¹ Эта кооперация увенчалась монументальным томом под названием «Татарская история и цивилизация». См. подробнее: [Tatar History and Civilization, 2010].

совместного проекта на базе Рурского университета (г. Бохум, Германия) по истории и культуре исламских народов бывшего СССР, в котором были задействованы также несколько учеников и коллег М.А. Усманова. Любопытно, что контакты М.А. Усманова с немецкими партнерами охватывали различные дисциплины: имперскую историю России и Средней Азии (Гиссен и Кельн), тюркологию и филологию (Берлин), а также исламоведение и ориенталистику (Бохум). Ценными для ученого были также контакты с венгерскими востоковедами, благодаря сотрудничеству с которыми ему удалось опубликовать несколько бесценных татарских исторических произведений [Ivanics, Usmanov, 2002]. М.А. Усманов регулярно встречался со своими венгерскими коллегами, а также с Б. Кельнер-Хайнкеле и И. Балдауф на сессиях Постоянной Международной алтаистической конференции (ПИАК/PIAC).

Установлению связей с Германией предшествовало развитие научных контактов М.А. Усманова с коллегами из США. Его первая поездка в Америку состоялась осенью 1990 г., когда он посетил Висконсинский университет в Мадисоне. Его главными научными партнерами тогда стали Кемаль Карпат и Юлай Шамильоглу; последний разделял интересы ученого в источниковедении и изучении истории Золотой Орды. В мае – июне 1992 г. М.А. Усманов принял участие в конференции в Чикаго, посвященной российским пограничным территориям. Этот визит стал возможен благодаря приглашению Михаила Ходарковского, который был знаком с книгой М.А. Усманова по истории Золотой Орды¹. Через год М. Ходарковский приехал в Казань, чтобы поработать в архивах и с документами университетской библиотеки. В течение недели он гостил в семье Усмановых². Для М.А. Усманова контакты с американскими коллегами дали возможность опубликовать свою первую статью в западном журнале (пусть и на русском языке) о роли татарского купечества в восточной торговле через Астрахань и Оренбург в XVII–XVIII вв. [Усманов, 1992, с. 505–513]: этот материал делал акцент на присущих татарам мобильности и трудолюбию – качествах, которые были характерны и для самого М.А. Усманова.

Стоит упомянуть и Аллена Франка, ученика профессора Девина Де-Виза в Индианском университете, который продолжил работу М.А. Усманова по анализу и публикации татароязычных исторических произведений XVII–XIX вв. Это многолетнее сотрудничество позволило издать несколько важных сборников татароязычных исторических источников из Казахста-

---

¹ Эта монография была охарактеризована М. Ходарковским как «тщательная, компетентная и неидеологизированная работа».

² Из личной переписки автора с М. Ходарковским (20.02.2015).

на [Frank and Usmanov, 2001, 2004]. Не будет преувеличением сказать, что в 1990-х гг. М.А. Усманов приобрел широкую известность на Западе, где он был признан в качестве главного специалиста по татарской истории.

Заключение: татарская наука в глобальном контексте

На основе этого краткого обзора можно сделать вывод, что М.А. Усманов являлся антиподом того, что называется узким татарским национализмом: он открыл татарскую науку сначала для специалистов из других регионов СССР (посредством своих советских контактов), а затем и для коллег из Турции, Европы и Америки. Представление татарской историографии в широком контексте было для него естественным, поскольку отражало историческую роль российских татар как посредников между Востоком и Западом; включение научной школы М.А. Усманова в интернациональный контекст предоставляло его ученикам широкие возможности международной кооперации. Конкуренция на международной арене была лучшим способом сохранить высокие академические стандарты при проведении исследований.

В наши дни российские СМИ изображают Запад как прямую угрозу. К сожалению, ученые с обеих сторон легко поддаются влиянию этих политических игр. Для М.А. Усманова, выдающегося представителя татарского народа, новая холодная война и нарастающая самоизоляция России показались бы абсурдом; только тесное сотрудничество с различными странами мира, в истинно академической форме, позволяет перенимать лучшее у других научных школ. Для М.А. Усманова востоковедение было важным инструментом для установления контактов и с Западом, и с Востоком, что способствовало признанию его научного вклада на международном уровне.

Литература

Batunsky M. Recent Soviet Islamology / M. Batunsky // Religion 12. 1982. – P. 365–389.

Bobrovnikov V. The Contribution of Oriental Scholarship to the Soviet Anti-Islamic Discourse: From the Militant Godless to the Knowledge Society / V. Bobrovnikov // The Heritage of Soviet Oriental Studies, ed. by Michael Kemper and Stephan Conermann. Abingdon, New York, 2011. – P. 66–85.

Bustanov A. Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations. / A. Bustanov. – Abingdon and New York, 2015.

Bustanov A.K. From Mirasism to Euro-Islam: The Translation of Islamic Legal Debates into Tatar Secular Cultural Heritage / A.K. Bustanov, M. Kemper // Islamic Authority and the Russian Language: Studies on Texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia, edited by A.K. Bustanov and M. Kemper. – Amsterdam, 2012. – P. 29–54.

Croskey R.M. N.I. Konrad and the Soviet Study of Japan / R.M. Croskey // *Acta Slavica Iaponica* 9. – 1991. – P. 116–133.

Ivanics M., Usmanov M. Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingiz-nämä) / M. Ivanics, M. Usmanov. I. (Vorwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles). – Szeged, 2002.

Kalinovsky A. Not Some British Colony in Africa: The Politics of Decolonization and Modernization in Soviet Central Asia, 1955–1964 / A. Kalinovsky // *Ab Imperio*. – № 2. – 2013. – C.1–31.

Kemper M. Red Orientalism: Mikhail Pavlovich and Marxist Oriental Studies in Early Soviet Russia / M. Kemper // *Die Welt des Islams* 50:3-4. – 2010. – P. 435–476.

Kemper M. Ijtihad into Philosophy: Islam as Cultural Heritage in Post-Stalinist Daghestan / M. Kemper // *Central Asian Survey* 33:3. – 2014. – Pp. 390–404.

Kemper M. Propaganda for the East, Scholarship for the West: Soviet Strategies at the 1960 International Congress of Orientalists in Moscow / M. Kemper // *Reassessing Orientalism: Interlocking Orientologies during the Cold War*; edited by M. Kemper and A.M. Kalinovsky. – London and New York, 2015. – P. 170–210.

Lewis B. The Question of Orientalism / B. Lewis // *The New York Review of Books*. – June 24. – 1982. – P. 4–5.

Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two Manuscripts by Ahmad-Walī al-Qazānī, and Qurbān-‘Alī Khālīdī edited by A.J. Frank and M.A. Usmanov. – Berlin: ANOR, 2001. – No. 11.

Orientalism: A Reader ed. by A.L. Macfie. – Edinburgh, 2000.

Qurbān-‘Alī Khālīdī. *An Islamic Biographical Dictionary of the Eastern Kazakh Steppe: 1770–1912* ed. by A.J. Frank and M.A. Usmanov. – Leiden, 2004.

Schimmelpenninck van der Oye D. Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the great to the Emigration / D. Schimmelpenninck van der Oye. – New Haven and London, 2010. – 119 p.

Shikhsaidov A.R. Arabic Historical Studies in Twentieth-century Daghestan / A.R. Shikhsaidov // *The Heritage of Soviet Oriental Studies*; ed. by M. Kemper and S. Conermann. – Abingdon, New York, 2011. – P. 203–216.

Tatar History and Civilization edited by D. Ishaqov, Project Director: Halit Eren, Project Advisors: M.A. Usmanov, R.S. Khakimov, translated by Ilnur I. Nadirov. – Istanbul: IRCICA, 2010.

Tolz V. European, National, and (Anti-) Imperial: The Formation of Academic Oriental Studies in Late Tsarist and Early Soviet Russia / V. Tolz // *Kritika* 9:1. – 2008. – P. 53–81.

Tolz V. Russia’s Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods / V. Tolz. – Oxford, 2011.

Usmanov M. “XIV–XVI yüzyıllarda Coçi Ulusunun Osmanlı devletin ile kañçılıriya içlerindeki temaslarının üzerine” / M. Usmanov // *Türk Tarih Kongresinden ayrıbasım* (Ankara), (1991). – P. 903–909.

Usmanov M.A. The Struggle for the Reestablishment of Oriental Studies in Twentieth-century Kazan / M.A. Usmanov // *The Heritage of Soviet Oriental Studies*, ed. by Michael Kemper and Stephan Conermann. Abingdon, New York, 2011. – P. 169–202.

Usmanov M. Kazan Şarkiyatçılığının Kaderi (XX. Yüzyıl), ed. by Mustafa Karagüloğlu / M. Usmanov. – Istanbul, 2013.

Ахметзянов М. Татарская археография: отчеты о результатах археографических экспедиций (1972–2010 гг.) / М.Ахметзянов. – Ч. 2. – Казань, 2011.

Бустанов А.К. Пересмотр концепции советского ислама: Зайнап Максудова и изучение татарской литературы / А.К. Бустанов; отв. ред. Д.В. Брилев // Ислам в мультикультурном мире: мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве: сб. статей. – Казань, 2014. – С. 482–487.

Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX – 20-е гг. XX вв.) / Р.М. Валеев. – Казань, 1998.

Госманов М.Г. Каурый каләм эзеннән: археограф язмалары / М.Г. Госманов. – Казан: Татар. китап нәшр. 1984, 1994.

Госманов М.Г. Ябылмаган китап яки чәчелгән орлыклар / М.Г. Госманов. – Казан: Татар. китап нәшр. 1996.

Госманов М.Г. Гасырдан-гасырга / М.Г. Госманов. – Казан: Татар. китап нәшр. 2004. – 488 б.

Госманов М.Г. (2007), Альберт Фәтхи турында истәлекләр [өзек] // Казан углары. № 7. 149-150 б.

Госманов М.Г. Археографик көндәлек / М.Г. Госманов // Безнең мирас. – 2014. – № 5. – Б. 20–28; № 6. Б. 41–43 [расшифровка текста, публикация документа, предисловие Д.М. Усмановой].

Әхмәтҗанов М. Мирасханә: фонд һәм коллекцияләр күрсәткече / М. Әхмәтҗанов. – Казан, 2005.

Әхмәтҗанов М. Татар археографиясенә сәхифәләр: тарих пәрдәләре күтәрелгәндә / М. Әхмәтҗанов. – Казан, 2012.

Миркасым Усманов: библиографический указатель. Казань, 2004.

Наврузов А. «Джаридат Дагестан» – арабоязычная газета кавказских джадидов. – М., 2012.

Усманов М.А. Источники книги Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар» / М.А. Усманов // Очерки истории Поволжья и Приуралья: сборник статей. Вып. 2. –3. – 1969.

Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.: сборник летописей. Дафтар-и Чингиз-наме. Таварих-и Булгария. Татарские шаджара / М.А. Усманов. – Казань: Изд-во КГУ, 1972. – 223 с.

Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. / М.А. Усманов; науч. ред. С.М. Каштанов. – Казань: Изд-во КГУ, 1979. – 318 с.

Усманов М.А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. Повесть о жизни и деятельности / М.А. Усманов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. – 223 с.

Усманов М.А. К изучению делопроизводственных связей Джучиева улуса и турции (XIV–XVI вв.) / М.А. Усманов // Bil diri özetleri. X Türk tarih kongresi. 22–26 Eylül 1986. Ankara, 1986. – P. 74–75.

Усманов М.А. Татарское купечество в торговле России с восточными странами через Астрахань и Оренбург в XVII – XVIII столетиях / М.А. Усманов // Russian Review, 19. – 1992. – P. 505–513.

Усманов М.А. Ученые из Германии в казанском университете и их вклад в развитие науки, культуры (первая половина 19 в.) / М.А. Усманов // *Das Mittlere Wolgagebiet in Geschichte und Gegenwart*, edited by Klaus Heller and Herbert Jelitte. – Frankfurt a.M., 1994. – S. 177–203.

Усманов М.А. Из истории сотрудничества ученых Казанского университета и Германии (первая половина 19 в.) / М.А. Усманов // *Грани сотрудничества между Казанским и Гиссенским университетом*. – Казань, 1999. – С. 21–39.

Усманов М.А. Последний подарок академика Буниятова // *Сильнее смерти: Зия Буниятов в воспоминаниях современников* / М.А. Усманов. – Баку, 2002. – С. 545–555.

Усманов М.А. О судьбе казанского востоковедения / М.А. Усманов // *Научный Татарстан*. – № 2. – 2010. – С. 176–192; № 3. С. 141–165.

Усманов Х.У. Основные вопросы татарского стихосложения / Х.У. Усманов // *Труды 25-го Международного конгресса востоковедов*. Москва, 9–16 августа 1960. – Т. 3. – М., 1963 – С. 353–358.

Усманова Д.М. Миссия археографических экспедиций в сохранении и развитии традиций востоковедения и исламоведения в Казанском государственном университете / Д.М. Усманова; отв. ред. Д.В. Брилев // *Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве: сб. статей*. – Казань, 2014. – С. 465–481.

Фэтхи А. Мәкаләләр һәм истәлекләр / А. Фэтхи. – Казан, 2007.